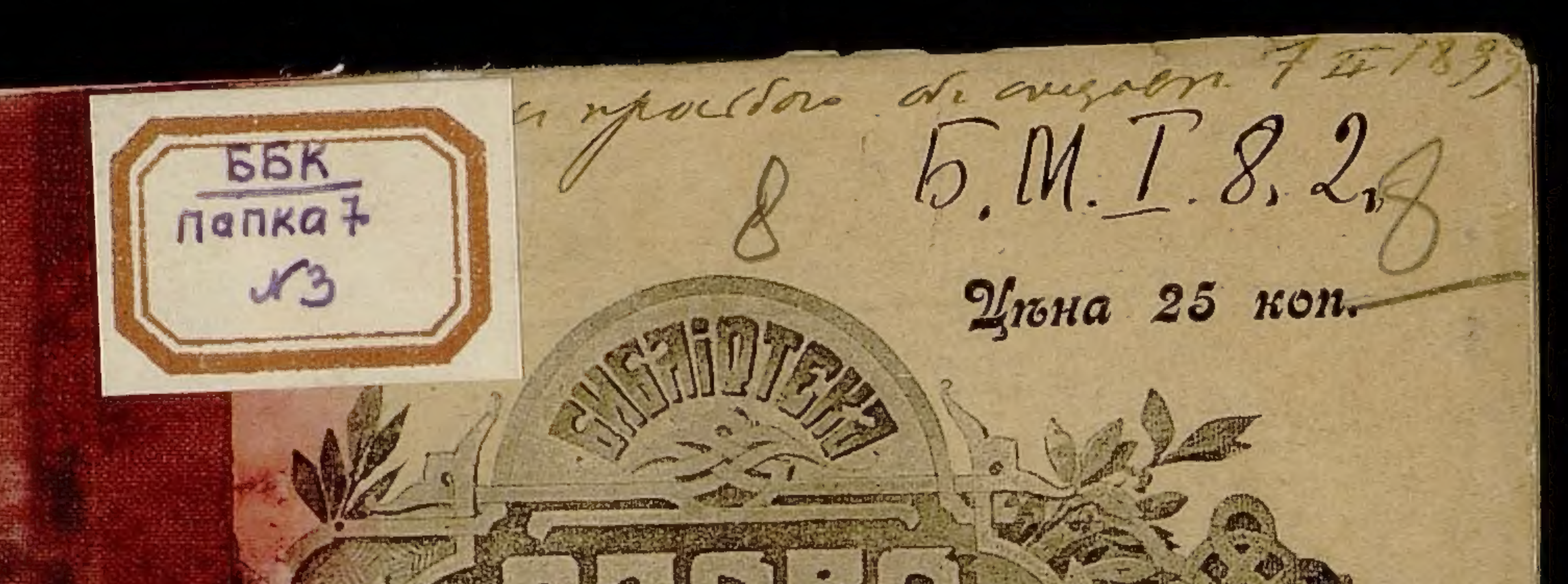
Цѣна 25 коп.

3-4

Всеволодъ Чешихинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

въ произведенiяхъ

Боборыкина и Чехова.

ОДЕССА
[Из]данiе книгоиздательства „Знанiе".
1899.

Изданіе книгоиздательства „ЗНАНІЕ“.

БИБЛІОТЕКА „СЛОВО“

Познакомить русскаго читателя съ выдающимися произведеніями западно-европейскихъ классиковъ и мыслителей составляетъ ближайшую цѣль библіотеки „Слово“.

На ряду съ классическими произведеніями въ составъ этой библіотеки войдутъ также общепонятныя [оригинальныя и переводныя] брошюры по вопросамъ науки, литературы и искусства, равно какъ выдающіяся беллетристическія новинки иностранной литературы.

Въ библіотекѣ „Слово“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Я. С. Балабанъ, пр.-доц. Я. Ю. Бардахъ, (докторъ), Л. Р. Бродовскій (докторъ), М. Э. Гуковскій, С. Б. Лазаровичъ, пр.-доц. М. И. Мандесъ, И. А. Хмѣльницкій, Всев. Е. Чешихинъ и друг.

Серія 1-ая.

Г. Э. ЛЕССИНГЪ

ЛАОКООНЪ или о границахъ поэзіи и живописи.

Перевели съ нѣмецкаго М. Э. Гуковскій и Л. Р. Бродовскій.

Приложенія: снимокъ съ группы Лаокоонъ и статья прив.-доц. М. И. Мандеса.

Вышли въ свѣтъ I и II выпуски (20 и 15 к.)

Всев. Е. Чешихинъ.

Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова.

Цѣна 25 коп.

Я. А. Новиковъ.

Война и ея мнимыя благодѣянія.

Перевелъ съ французскаго Я. С. Балабанъ.

Цѣна всей серіи (10 выпусковъ, болѣе 20 листовъ) по подпискѣ 1 р. съ доставкою на домъ и 1 р. 20 к. съ пересылкою въ другіе города.

Контора книгоиздательства: Одесса, Успенская. 75.

Всеволодъ Чешихинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

въ произведеніяхъ

Боборыкина и Чехова.

Изданіе книгоиздательства „Знаніе".

ОДЕССА.
„Книгоиздательская" типографія Я. Х. Шермана, Риш. № 28.
1899.

Дозволено цензурою. Одесса, 5-го октября 1898 года.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

въ произведеніяхъ

БОБОРЫКИНА и ЧЕХОВА

I.

Своимъ романомъ «Отцы и дѣти» Тургеневъ возбудилъ вниманіе русскаго общества къ явленію, неизбѣжному во всякой странѣ, позже своихъ сосѣдей вступающей на путь культурнаго развитія, а потому принужденной прогрессировать съ лихорадочною поспѣшностью: на антагонизмъ двухъ смежныхъ поколѣній, отцовъ и дѣтей. Нигдѣ въ Западной Европѣ нѣтъ такихъ быстрыхъ смѣнъ общественныхъ и государственныхъ вѣяній, отражающихся на отцахъ и дѣтяхъ, нигдѣ нѣтъ такого обостреннаго непониманія между старыми и малыми, какъ у насъ на Руси. Тургеневъ изобразилъ въ своемъ знаменитомъ романѣ контрастъ между двумя поколѣніями — отцовъ, юность которыхъ относится къ 40-мъ годамъ истекающаго вѣка, и дѣтей, юность которыхъ относится ко времени появленія романа, написаннаго въ 1861 году—къ т. н. эпохѣ 60-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ русская жизнь

выработала уже и «внуковъ», какъ естественное продолженіе поколѣній Тургеневскихъ отцовъ и дѣтей: на общественномъ поприщѣ появляются люди, юность которыхъ, во время которой складывается характеръ и вырабатывается программа жизни, относится къ восьмидесятымъ годамъ вѣка.

Объ этихъ «восьмидесятникахъ» (терминъ публициста Шелгунова), какъ о новомъ поколѣніи «внуковъ», мнѣ придется говорить, какъ о типѣ, излюбленномъ двумя извѣстнѣйшими и талантливѣйшими, въ данную минуту, беллетристами. Эти внуки представляютъ собою, какъ мы попытаемся доказать, преемственное развитіе своихъ дѣдовъ и отцовъ. Попытка не легкая, такъ какъ въ отношеніи людей 40-хъ и 60-хъ годовъ вѣка преемственность установляется сама собою, благодаря выгодамъ исторической перспективы; говорить же безпристрастно о поколѣніи, къ которому самъ принадлежишь, такъ же трудно, какъ снять фотографію съ большого зданія, къ которому стоишь слишкомъ близко,—поневолѣ, придется ограничиться деталями, правда, въ высокой степени любопытными.

Вспомнимъ, въ общихъ чертахъ, ту эволюцію, которую продѣлало русское образованное общество 40-хъ годовъ, постепенно перерождавшееся въ т. н. «шестидесятниковъ».

Общество 40-хъ годовъ характеризуется необычайнымъ подъемомъ идеализма, безпочвеннаго, на философской подкладкѣ, выработавшаго лишь нѣкоторые соціальные идеи и инстинкты въ самомъ общемъ, неопредѣленномъ ихъ контурѣ. Къ этой безпочвенности предрасполагала крайняя некультурность нравовъ и всего тогдашняго режима. Тургеневъ характеризуетъ это глухое

время русской общественности слѣдующими словами: «На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча. Генералъ, и даже не начальникъ, а такъ просто генералъ, оборвалъ, или, что еще хуже, поощрилъ тебя... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ, какъ скала, казармы на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ (послѣ 1848 г.) сведенныхъ на трехсотенный комплектъ, поѣздки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно виситъ надъ всѣмъ такъ-называемымъ ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и приниженность во всѣхъ—хоть рукой махни!» Разумѣется, при такихъ условіяхъ, въ эту эпоху «мертвыхъ душъ» (въ этомъ заглавіи Гоголевской эпопеи Герценъ не безъ основанія находилъ глубокій и грустный смыслъ) единственнымъ спасеніемъ для всякой живой русской души была область тѣснаго кружковаго существованія, самозабвеніе въ великихъ абстракціяхъ философіи, заслоняющихъ неприглядную современность и открывающихъ широкія перспективы на будущее. Понятно увлеченіе философіей Гегеля кружка Станкевича, къ которому принадлежали одно время всѣ тогдашніе передовые люди: какъ славянофилъ К. Аксаковъ, такъ и западникъ Бѣлинскій, какъ будущій радикалъ М. Бакунинъ, такъ и добродушный эпикуреецъ В. П. Боткинъ, какъ вольтеровски-ѣдкій Герценъ, такъ и энтузіастъ-поэтъ Красовъ, какъ историкъ Грановскій, такъ и педагогъ Невѣровъ. Тургеневъ въ своемъ «Рудинѣ» превосходно изобразилъ время этого широкаго,

міровогo идеализма, стремившагося постичь тайны вселенной, для того, чтобы отдохнуть душой отъ русской дѣйствительности. «Философія, искусство, наука, самая жизнь — все это для насъ были одни слова, пожалуй, даже понятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя,— разсказываетъ Лежневъ въ «Рудинѣ» объ одномъ изъ такихъ философскихъ кружковъ 40-хъ годовъ.—Общей связи ихъ, этихъ понятій, общаго закона мірового мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ... Слушая Рудина, намъ впервые показалось, что мы, наконецъ, схватили ее, эту общую связь, что поднялась, наконецъ, завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое,—что, за дѣло!—разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, выростало передъ нами, точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ: во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и въ то же время таинственное, каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, со сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому».

Мало-по-малу въ философскихъ кружкахъ 40-хъ годовъ происходитъ дробленіе вначалѣ вполнѣ слитныхъ и нераздѣльныхъ элементовъ: намѣчаются два противуположныя теченія въ сферѣ социальной мысли—славянофильское, съ его культомъ народа и «хорового начала», и западническое, съ культомъ интеллигенціи и свободной личности. Но философскій идеализмъ остался основою міровоззрѣнія людей обоихъ лагерей: онъ сдѣлалъ

свое дѣло, осмысливъ смутные общественные инстинкты людей обѣихъ партій—инстинкты, для проявленія которыхъ 60-е годы великихъ реформъ оказались въ высшей степени благопріятными. Философія отвлекла русскихъ людей отъ Россіи, но затѣмъ привела ихъ къ ней снова; незамѣтно въ идеалистахъ 40-хъ годовъ намѣчаются черты реалистовъ 60-хъ годовъ. Вотъ что пишетъ типичнѣйшій западникъ 40-хъ годовъ, Герценъ, о славянофилахъ того времени (въ «Былое и думы», 1861 г.).

«Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ сдѣлали свое дѣло; долго-ли, коротко-ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать... они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей. Съ нихъ начинается переломъ русской жизни. И когда мы (т. е. западники) это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи. Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была одна любовь, но не одинаковая. У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество,—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно... Время, исторія, опытъ сблизили насъ, не потому, чтобъ они насъ перетянули къ себѣ, или мы ихъ, а потому, что и они, и мы ближе къ истинному воззрѣнію теперь (начало 1861 г.), чѣмъ были тогда, когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ, хотя и тогда я не помню, чтобы мы

сомнѣвались въ ихъ горячей любви къ Россіи или они въ нашей».

Это «русское» чувство, чувство любви къ Россіи и вѣра въ ея будущность было идеальнымъ звеномъ, соединившимъ поколѣнія «отцовъ и дѣтей». Въ началѣ эпохи царило изумительное единодушіе въ этомъ отношеніи и замѣчалось сліяніе двухъ основныхъ теченій общественной жизни, демократически-славянофильскаго и аристократически-западническаго, раздѣлившихся въ 40-хъ годахъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ современники, и подъ пару выпискѣ изъ Герцена приведемъ выписку изъ «Воспоминаній» шестидесятника Шелгунова: «Внизу освобождались крестьяне отъ крѣпостного права, вверху освобождалась интеллигенція отъ служилаго государства и отъ старыхъ московскихъ понятій. И болѣе великаго момента, какъ этотъ переходъ отъ идеи крѣпостного и служилаго государства къ идеѣ государства свободнаго, въ нашей исторіи не было, да, пожалуй, и не будетъ. Мы, современники этого перелома, стремясь къ личной и общественной свободѣ и работая только для нея, конечно, не имѣли времени думать, дѣлаемъ-ли мы что-нибудь великое или невеликое. Мы просто стремились къ простору, и каждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ и отъ чего ему было нужно. Хотя работа эта была, повидимому, мелкая—такъ сказать, единоличная, потому что каждый дѣйствовалъ за свой страхъ и для себя, но именно отъ этого общественное оказывалось сильнѣе, неудержимѣе, стихійнѣе. Идея свободы, охватившая всѣхъ, проникла всюду, и совершалось, дѣйствительно, что-то небывалое и невиданное».

Между тѣмъ, и въ шестидесятые годы быстро наступила та дифференціація, которая когда-то отдѣлила

западниковъ отъ славянофиловъ. Это констатируетъ тотъ-же знатокъ эпохи великихъ реформъ Шелгуновъ (въ статьѣ «Еще о свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ»).

«Уже въ 60-хъ годахъ точно намѣтились два главныхъ направленія, и каждое изъ нихъ предлагалось, какъ обезпечивающее наиболѣе правильное и вѣрное прогрессивно-поступательное движеніе Россіи.

Несмотря на множество мелкихъ теченій, часто неясныхъ, смутныхъ, подчасъ фантастическихъ, отводившихъ слишкомъ много мѣста чувству и даже фантазіи, всѣ эти теченія сводились къ двумъ программамъ: прогресса сверху внизъ и прогресса снизу вверхъ. Программа прогресса сверху внизъ ставила во главѣ его городъ и интеллигенцію, которая должна руководить и держать въ своихъ рукахъ все умственное и общественное развитіе и движеніе. Программа же прогресса снизу вверхъ ставила во главѣ деревню и народъ, какъ единственный источникъ твердаго и незыблемаго общественнаго и политическаго роста Россіи». — Преобладаніе возымѣла программа новыхъ славянофиловъ-демократовъ, народниковъ — какъ это констатируетъ тотъ-же Шелгуновъ (въ той-же статьѣ). «Въ эти-же шестидесятые годы былъ выдвинутъ на первое мѣсто, какъ основной факторъ общественнаго и государственнаго развитія и благосостоянія, народъ, и вниманіе къ народу оказалось настолько преобладающимъ, что «мужикъ» сталъ, наконецъ, цѣлой журнальной программой. Преобладаніе въ идеѣ народнаго направленія оттѣснило интересы интеллигенціи на второй планъ. Интеллигенція точно забыла сама себя, она какъ-бы даже застыдилась, что она интеллигенція, и явился «кающійся дворянинъ», забывшій о своемъ интеллигентномъ происхожденіи и понесшій самъ себя

на закланіе. Затѣмъ интеллигенту были приписаны и другіе грѣхи, и противъ него возникло цѣлое гоненіе».

Такимъ образомъ, философскій идеализмъ 40-хъ годовъ въ настроеніи общества мало-по-малу переродился въ тотъ соціальный радикализмъ, который такъ характеренъ для людей 60-хъ годовъ, во имя извѣстной демократической идеи реформировавшихъ государственныя учрежденія, забывшихъ философію для естественныхъ наукъ, превозносившихъ въ искусствѣ публицистически-народническія тенденціи въ ущербъ прочимъ элементамъ эстетическаго творчества и т. п.

Но вотъ на сцену выступили «восьмидесятники», —у Базаровыхъ подросли дѣти, и началась та-же борьба, которую Базаровы нѣкогда вели со своими отцами —Кирсановыми. Эти раздоры продолжаются и до нашего времени. Шелгуновъ кликнулъ кличъ: «восьмидесятникъ идетъ!»—и восьмидесятнику не поздоровилось: въ отношеніи къ нему сходятся всѣ партіи: и либеральныя, и консервативныя, со всѣми оттѣнками демократизма и аристократизма. Либеральная часть русской публицистики винитъ восьмидесятниковъ въ «индифферентизмѣ», т. е., въ полномъ отсутствіи всякаго идеала общественной дѣятельности и въ «реабилитаціи дѣйствительности», т. е., въ безхарактерномъ примиреніи со всѣми неурядицами современности. Но почти то же твердитъ и консервативная пресса, готовая возвеличивать, обыкновенно для нея ненавистную, эпоху 60-хъ годовъ, чтобы только принизить молодежь. Интересна, съ этой точки зрѣнія, передовица «Гражданина» 1888 г., гдѣ кн. Мещерскій громитъ восьмидесятниковъ и современность въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Явись теперь новый Катковъ, съ болѣе сильнымъ

даже талантомъ, и тотъ оказался бы безсильнымъ. Катковъ былъ сыномъ своего времени и поэтому былъ бы немыслимъ теперь, ибо онъ явился бы не въ свое время и обреченъ бы былъ на безсиліе... Катковъ съумѣлъ своимъ сильнымъ талантомъ публициста воспользоваться духовною мощью своего общества,—это безспорно, но не будь этой духовной мощи въ то время въ русскомъ обществѣ, Катковъ не могъ бы имѣть ни своей силы, ни своего положенія, ни своего обаянія. Это было въ самый разгаръ возрожденія русской жизни, два года послѣ 61 г., когда все кипѣло жизнью, и именно жизнью духовною, когда лучшіе люди шли на общественную службу, когда въ каждомъ русскомъ человѣкѣ билось сильно сердце, когда либералы создали цѣлую Ніагару мыслей, стремленій, цѣлей въ руслѣ русской умственной жизни и этимъ самымъ вызывали къ жизни и противниковъ этого громаднаго урагана,—словомъ, когда все, что дремало до того, проснулось, и на борьбу выступили всѣ силы добра и зла,—на борьбу живую и, можно безъ преувеличенія сказать, народную, въ смыслѣ животрепещущихъ вопросовъ судьбы русскаго государства, эпохою создавшихся... А теперь что мы стали?—Мы стали размазнею, которая ничего не можетъ дать, кромѣ прозябанія».

На примѣрѣ типовъ изъ произведеній Боборыкина и Чехова мы постараемся доказать, что отрицаніе всякой преемственности въ «восьмидесятникахъ» съ поколѣніями 40-хъ и 60-хъ годовъ черезчуръ поспѣшно, что въ психологическомъ складѣ новаго поколѣнія русскихъ людей есть много общихъ наслѣдственныхъ чертъ, которыя роднятъ «внуковъ» съ идеалистами-дѣдами поколѣнія 40-хъ годовъ и съ реалистами-отцами поколѣнія

60-хъ годовъ.—Мы избрали намѣренно типы двухъ писателей, по складу своей литературной индивидуальности, противуположныхъ—чтобы тѣмъ полнѣе предстала картина поколѣнія интеллигентовъ восьмидесятниковъ, къ которому Боборыкинъ, этотъ, по нашей терминологіи, «жизнерадостный интеллигентъ», относится съ полнымъ оптимизмомъ, тогда какъ Чеховъ, интеллигентъ по натурѣ «жизнегорестный», глядитъ на восьмидесятниковъ» пессимистически.

II.

Дѣятельность Боборыкина, какъ романиста, можно раздѣлить на два періода, которые характеризуются внѣшними признаками двухъ собраній его сочиненій: въ 1885—1887 г. издалъ ихъ Вольфъ, въ 1897 г. Марксъ. Въ настоящей статьѣ мы будемъ разсматривать дѣятельность Боборыкина во вторую половину его 35-лѣтняго авторства, обнимающую 15—20 лѣтъ, а главнымъ образомъ, восьмидесятые годы вѣка—годы, представляющіе собою законченный періодъ въ исторіи русской общественности, годы какъ разъ «восьмидесятниковъ», ошельмованныхъ нашими публицистами—«шестидесятниками».

Своихъ «восьмидесятниковъ» Боборыкинъ изображаетъ con amore: жизнерадостный писатель-оптимистъ не находитъ основаній для того, чтобы сѣтовать по поводу упадка общественныхъ идеаловъ въ этомъ поколѣніи русскихъ карьеристовъ и виверовъ, порѣшившихъ всѣ болѣе или менѣе сложные вопросы жизни въ томъ, что «наше время—не время широкихъ задачъ». Поло-

жительные типы романовъ Боборыкина, его «герои», какъ мы увидимъ,—плоть отъ плоти и кость отъ кости все тѣхъ же «службистовъ» и прожигателей жизни. Это обстоятельство указываетъ на то, что извѣстный, присущій Боборыкину, идеализмъ, коренится въ оптимистическомъ чувствѣ довѣрія къ человѣческой природѣ.

Боборыкинъ очень пластически изобразилъ типъ карьериста, поддѣлывающагося подъ временное настроеніе правящихъ классовъ, въ лицѣ Рынина, героя романа «Изъ новыхъ». Рынинъ дѣлаетъ свою карьеру, почти искренно вѣря въ то «русское направленіе», которому служитъ—и эта черта нѣсколько миритъ читателя съ этимъ «государственникомъ», котораго въ свѣтѣ зовутъ по просту—«roublard», а тесть бранитъ—«ордынцемъ и азіатомъ изъ тѣхъ, что на Европу гнѣваются, а идутъ спасать человѣчество». Полушутя, полусерьезно онъ выкупаетъ изъ купеческихъ рукъ «могилы предковъ» вмѣстѣ со своей старой дворянской усадьбой, угощаетъ мужиковъ на сходкѣ, но не дѣлаетъ имъ никакихъ уступокъ насчетъ нужной имъ «лощины». Ему не совсѣмъ ясны его «народные» идеалы, хотя онъ любитъ разсуждать о какомъ-то «вотчинномъ чувствѣ», связующемъ мужиковъ съ промотавшимися помѣщиками. Какъ бы то ни было, Рынинъ чувствуетъ въ себѣ нѣкоторую силу, гордится своею программою, какова она ни есть, такъ какъ видитъ, что безъ нея его окружающіе,—жена, пріятель-жуиръ, кончающій самоубійствомъ,—не живутъ, а только маются. Въ Рынинѣ чувствуется сила—дурно направленная, не вполнѣ себя сознающая—но сила, и этого достаточно, чтобы Боборыкинъ изображалъ своего героя безъ всякихъ ехидныхъ подхихикиваній. Если Рынинъ и карьеристъ,

то все же не изъ плохенькихъ—это видно изъ слѣдующихъ строкъ романа.

«Онъ замѣтилъ свое отраженіе въ зеркалѣ, у входа въ столовую.

Ему нельзя было еще разъ не посмотрѣть на себя. Отъ всего, еще молодого мужчины, который стоялъ во фракѣ и лентѣ «по камзолу», у мраморныхъ перилъ, шли къ нему обратно лучи того теплотвора, что наполнялъ его грудь вмѣстѣ съ сознаніемъ своей силы... Ни на «своего брата» дворянина, ни на «мужичка» онъ не кладетъ никакихъ наивныхъ упованій. Не боится и тѣхъ, кого иные изъ его будущихъ сверстниковъ, съ желчной гримасой, зовутъ «интеллигентами». И съ ними онъ готовъ помѣряться... Уступать нужно одной силѣ, а не соперникамъ, и даже на тѣхъ, кому придется дѣлать рапорты, смотрѣть какъ на случайныхъ людишекъ «безъ идеи». На такомъ грунтѣ слѣдуетъ устоять до конца, и онъ устоитъ».

Есть у Боборыкина карьеристы и безъ всякаго «грунта»—таковъ Гаяринъ, герой повѣсти «Поумнѣлъ» —когда то опальный либералъ, впослѣдствіи стосковавшійся по вліятельному положенію,—но только по одному положенію, а не по самой власти, какъ Рынинъ. Гаяринъ считаетъ себя «сильной и своеобразной личностью, продѣлавшей ходъ развитія, который на философскомъ языкѣ называется эволюціей,—не даромъ Гербертъ Спенсеръ былъ когда-то его любимымъ мыслителемъ»; на самомъ дѣлѣ, Гаяринъ—слабый и мелкодушный честолюбецъ безъ всякаго признака хотя бы даже Рынинскихъ идей: его честолюбіе сводится къ «суетному стремленію къ расшитому мундиру». Ему не удаются фразы о подъемѣ дворянскаго сословія, такъ какъ

всякій въ правѣ его оборвать (да и обрываютъ въ повѣсти) словами: «никакой подъемъ немыслимъ, если вотъ здѣсь (въ сердцѣ) ничего нѣтъ». Гаяринъ жаждетъ служить только лицамъ, а не дѣлу, мѣтитъ не въ министры, а просто въ временщики; вся его философія исчерпывается французской фразой: on n'est pas du vrai monde, quand on n'est pas de la maison». За то Боборыкинъ ни мало не сочувствуетъ этому «ренегатишкѣ» и посрамляетъ его въ лицѣ его жены, Антонины Сергѣевны, не измѣнившей идеаламъ своей юности, т. е. завѣтамъ публицистики 60-хъ годовъ.

Третьимъ интереснымъ типомъ Боборыкинскаго карьериста является Палтусовъ, герой романа «Китай-городъ». Это—любопытный потомокъ Чичикова, не безъ примѣси нѣкоторой Рынинской идеи. Онъ—не просто пріобрѣтатель и гешефтмахеръ, но немножко и дворянинъ; «мы (говоритъ онъ о себѣ, какъ о цѣломъ сословіи) должны сказать купеческой мошнѣ: пора тебѣ съ нами дѣлиться, а не хочешь—такъ мы тебя подъ ножку». У Палтусова есть за душою нѣкоторыя традиціи, въ немъ видна порядочная порода; онъ, напримѣръ, не хочетъ дѣлать своей финансовой карьеры черезъ женщинъ, въ него влюбленныхъ (Гаяринъ не сталъ бы задумываться надъ такими щепетильностями),—но за то онъ считаетъ себя свободнымъ отъ всѣхъ нравственныхъ обязанностей передъ мужчинами не дворянами и, живя въ Москвѣ, въ кругу купеческихъ дѣльцовъ, «смотритъ на себя, какъ на піонера, на одного изъ предпріимчивыхъ выходцевъ, отправляющихся въ Калифорнію или на американскій Дальній Западъ». Палтусовъ еще не потерялъ связи съ идеями своей юности, любитъ кутнуть на Татьянинъ день со студентами и даже чувст-

вуетъ себя внутренно задѣтымъ отъ вопроса опьянѣвшаго юноши: «Совѣсть не потерялъ еще? Въ принципъ вѣришь?» Палтусовъ полагаетъ, что «безъ опоры въ накопленномъ трудѣ ничего нельзя достать», что «время подлое и надо заручаться силой;» Палтусовъ увѣренъ, что онъ гешефтмахерствуетъ «не для себя, а для тогоже общества, для массы, для трудового люда,» такъ какъ онъ «тоже народникъ»; Палтусовъ даже иногда мечтаетъ о «представительствѣ». Ему предсказываютъ, что онъ «и фортуну заполучитъ, и невинность соблюдетъ»—но Палтусовъ, оказывается, только и сумѣлъ, что облагодѣтельствовать одну свою бѣдную родственницу, этимъ и ограничилась его «принципіальность», зато, увлекшись идеей пріобрѣсти въ Москвѣ домъ, для того, чтобы превратить его въ магазинъ-монстръ, «какъ Лувръ» и кафе съ музыкой «какъ въ Миланѣ», онъ нерасчетливо хапнулъ деньги той самой дамы, отъ ухаживанья за которою уклонялся во имя дворянскаго благородства—и попалъ въ тюрьму... Какъ бы то ни было, также и въ этомъ оборвавшемся карьеристѣ, какъ и въ преуспѣвшемъ Рынинѣ, Боборыкинъ отмѣтилъ нѣчто порядочное, отнесся къ нему со свойственнымъ этому писателю оптимизмомъ.

Кромѣ карьеристовъ-восьмидесятниковъ Боборыкинъ съ особеннымъ удовольствіемъ изображаетъ восьмидесятниковъ-виверовъ.

Всѣ эти виверы—на одинъ ладъ и напоминаютъ Ермилова, героя романа «На ущербѣ,»—разница больше во внѣшности (Ермиловъ ходитъ въ клѣтчатомъ заграничномъ эльстерѣ съ круглой шляпой на головѣ, а Лыжинъ, герой «Перевала»—въ сибирскомъ ергакѣ и въ войлочной бурой шапкѣ). Всѣ они (Ермиловъ, Лы-

жинъ, Грубинъ въ повѣсти «Обречена», Стягинъ, въ повѣсти «Проѣздомъ», Симцовъ въ повѣсти «Измѣнникъ», даже болѣе серьезный Токаревъ въ романѣ «По другому», напечатанномъ въ «Вѣстникѣ Европы 1897 г.) могутъ быть охарактеризованы словами одного изъ пріятелей Ермилова: «благую часть избрали: снимаютъ пѣнки со сливокъ Европы, сегодня тутъ, завтра тамъ, смотрять на все, какъ древніе эллины-эпикурейцы». Зато и всѣ они могутъ отвѣтить на такую характеристику словами Ермилова, съ нотою нѣкоторой, вполнѣ впрочемъ искренней, гражданской скорби: «Да какъ же иначе? Слѣдуетъ въ наши лѣта людямъ знанія и таланта глядѣть на то, что у насъ (на Руси) дѣлается, какъ Ливингстонъ или Стэнли смотрѣли на бытъ африканцевъ: ѣзди, наблюдай, пиши книги, обогащай науку, но души своей не отдавай на съѣденіе». Идейность этихъ эпикурейцевъ нѣсколько слабовата, какъ и идейность ихъ современниковъ-карьеристовъ; Ермиловъ аттестуетъ одного изъ своихъ знакомыхъ словами: болѣе ловкій, чѣмъ благоговѣйный,—какъ аттестовалъ одного священника архіерей»,—и тотъ же отзывъ вполнѣ примѣнимъ ко всѣмъ Боборыкинскимъ виверамъ, не потерявшимъ еще облика человѣческаго. Европеизмъ этихъ виверовъ сводится къ европеизму Ермилова: Егоръ Петровичъ (Ермиловъ) любилъ, чтобы изъ Европы переносили все цѣликомъ, не умничая, не передѣлывая, и серьезно толковалъ о томъ, какъ важно было бы открыть настоящіе бульварные кафе, съ гарсонами въ длинныхъ фартукахъ и прохладительными по строго-парижскому образцу». Боборыкинскіе Ермиловы любятъ искусство, науку, политику—но во всемъ этомъ они— диллетанты и дальше модныхъ культовъ (вродѣ культа

сонетовъ Жозе-Маріи-Эредіа) въ этомъ направленіи не развиваются; зато всѣ поголовно—женолюбцы и знатоки «фэминизма». Ермиловъ, напримѣръ, «въ любви былъ поклонникомъ русскаго фэминизма, хотя и снималъ сливки съ женщинъ всякихъ расъ и національностей: онъ убѣдился долгимъ опытомъ, до какой степени русскія женщины—отъ горничной до великосвѣтской барыни—щедры въ проявленіяхъ своей природы, въ ласкѣ, въ томъ, какъ онѣ отдаются; это не то, что парижанки; даже и въ южныхъ европейскихъ женщинахъ находилъ онъ больше сухой нервности, чѣмъ нѣги, чѣмъ искренняго чувственнаго порыва». Всѣ эти «добрые малые» любители психологическихъ терминовъ вродѣ «разливъ любовнаго настроенія», но зато тѣ же Ермиловы и сознаютъ, что въ старости имъ грозитъ «пріапизмъ» съ прогрессивнымъ параличемъ и слабоуміемъ,— и отъ этихъ научныхъ терминовъ на нихъ вѣетъ холодомъ и міазмами анатомической препаровочной». Никто изъ Боборыкинскихъ виверовъ не застрахованъ отъ „революціи своего сорокъ восьмого года» (какъ выражается одинъ пріятель Ермилова), когда какая-нибудь «баба возьметъ верхъ и правъ передѣлаетъ, и правила, и мозгъ, и темпераментъ»—и изъ изящнаго эстетика испарится весь остатокъ мирящей его съ эпикуреизмомъ «идейности». Тогда они утѣшаются, какъ Ермиловъ, тѣмъ, что рождены «однолюбами», «предназначенными на служеніе силѣ прекраснаго, которая исходитъ отъ женщины въ какихъ-то линіяхъ и звукахъ»—но въ идеалистическій романтизмъ этого «однолюбія» Ермиловыхъ читатель Боборыкина вѣритъ не безъ колебаній, вѣритъ не болѣе, чѣмъ въ идеалистическое народничество Рыниныхъ или Палтусовыхъ. И все таки прихо-

дится сознаться, что и къ своимъ виверамъ Боборыкинъ относится безъ всякой сатирической горечи—съ полнымъ оптимизмомъ.

Неудивительно, что тѣ Боборыкинскіе типы, къ которымъ авторъ относится съ особенной симпатіей, т. е. «герои» въ болѣе тѣсномъ и характерномъ смыслѣ слова, представляютъ собою своего рода эволюцію все тѣхъ-же карьеристовъ и виверовъ. Василій Теркинъ (герой романа того-же заглавія) и Кострицынъ (персонажъ «Перевала»)представляютъ собою развитіе хорошихъ качествъ карьериста — Палтусова; въ графѣ Таманцевѣ (героѣ романа «Ходокъ») нетрудно усмотрѣть усовершенствованный экземпляръ однолюба — Ермилова, на идейной подкладкѣ народничества «сверху», немножко à la Рынинъ.

Кострицынъ, «амбарный Сократъ», приказчикъ у богатаго фабриканта, до всего доходящій своимъ умомъ, вырабатываетъ себѣ своеобразную философію — культъ личности, которая «дерзаетъ противупоставлять свое «я» обязательнымъ символамъ вѣры, дерзаетъ и посягаетъ»: онъ неустанно работаетъ надъ своимъ нравственнымъ совершенствомъ, однако не забывая, какъ и Палтусовъ, о своихъ денежныхъ дѣлишкахъ. Кострицынъ добивается, въ концѣ концовъ, не многаго—лишь жены и дѣятельности по своему вкусу, но для этого ему все же приходится вступить въ борьбу съ обществомъ, которой совершенно чуждаются обыкновенные герои Боборыкина. Кострицынъ какъ бы то ни было — побѣдитель и побѣдитель честными средствами, почерпнувшій силу для своей борьбы во внутреннемъ духовномъ чувствѣ нравственной свободы, въ чувствѣ, воспитанномъ на философіи (ницщеанства). Выражаясь словами самого-же

Кострицына, въ немъ можно видѣть «показателя теперешней дорогой ему Москвы—сердцевины русскихъ городовъ, гдѣ вырабатывается русская культура, гдѣ народный трудъ, купецкая мошна, чувственные аппетиты, сословная перетасовка, повальная ѣда и питье, трактиры, картежъ и тотализаторъ, гикъ цыганъ и колокольный звонъ «сорока-сороковъ»—служатъ той же почвой, откуда вырастаютъ вопросы ума, творчества, красоты, научной истины, полета въ безплотную высь обобщающей философской мысли».

Василій Теркинъ отличается, какъ Палтусовъ, особенною цѣпкостью въ финансовыхъ дѣлахъ; «не пролей-капельки», можно бы дать ему прозвище, встрѣчающееся въ одномъ изъ романовъ Боборыкина. Онъ человѣкъ нѣкоторой идеи, но давно порѣшилъ, что «сначала надо, чтобы копѣйка была на черный день, для своего и мірского дѣла; а накопить ее можно только тогда, когда законъ есть твердый во всякомъ поступкѣ и въ каждомъ словѣ». Его «идея» не Богъ вѣсть какъ широка, но она зародилась подъ вліяніемъ непосредственныхъ жизненныхъ фактовъ, а не какихъ-нибудь случайныхъ теорій (въ этомъ отличіе положительнаго Теркина отъ мечтательнаго Кострицына). Теркинъ—изъ волжскихъ мужиковъ, дорогою цѣною физическихъ и нравственныхъ страданій испытавшій на себѣ всѣ невзгоды экономическаго оскудѣнія приволжскихъ губерній, и поднятіе благосостоянія родныхъ краевъ становится его завѣтнѣйшею мечтою, неизсякаемымъ источникомъ духовной свѣжести, дѣлающей именно этотъ Боборыкинскій типъ особенно симпатичнымъ. Изъ скромнаго пайщика пароходнаго товарищества Теркинъ порѣшилъ сдѣлаться однимъ изъ главныхъ воро-

тилъ Поволжья, чтобы затѣмъ начать борьбу съ обмелѣніемъ, и читатель съ охотою вѣритъ, что Теркинъ таки добьется своего и что личное его дѣло станетъ общенароднымъ, и тогда хищнически-опустошенные берега рѣки-кормилицы покроются на сотни десятинъ внутрь заново лѣсами!.. Натура огромной внутренной силы, Теркинъ и въ любви къ женщинѣ является богатыремъ: для него главная цѣль—«вызвать преклоненіе передъ собою, видѣть, какъ въ какой-нибудь несмышленной или робкой немудрой дѣвочкѣ вдругъ распустится душа, откуда ни возьмутся умъ, игра, смѣлость, дерзкая отвага; на все она пойдетъ съ любимымъ человѣкомъ и для него; въ такія минуты только и сознаешь свою людскую мощь; особливо когда есть вѣра и въ свой дѣловой умъ, когда ты все шибче и шибче катишься по житейской дорогѣ». Но Теркинъ не чуждъ и наиболѣе утонченныхъ культурныхъ инстинктовъ, почти невѣдомыхъ Боборыкинскимъ Рынинымъ и Ермиловымъ: онъ хорошо понимаетъ идеалистовъ народниковъ, заботящихся о «душѣ», а не о мошнѣ мужика; онъ способенъ бросить любимую женщину (Серафиму), лишь перестанетъ чувствовать къ ней душевное влеченіе, и взять на себя подвигъ жениться на простенькой барышнѣ (Сонѣ), которую, по понятіямъ Теркина, необходимо вырвать изъ среды, гдѣ она можетъ погрязнуть; при случаѣ, Теркинъ не прочь и на порывъ самаго нерасчетливаго великодушія, доходящаго до романтизма—онъ, напримѣръ, спасаетъ отъ тюрьмы забулдыгу пріятеля, попавшагося въ растратѣ и имъ же самимъ, Теркинымъ, презираемаго (дворянина Звѣрева). И силу на все это Теркинъ почерпаетъ «въ бодрящемъ шепотѣ великой рѣки», кидающей свой свѣтлый от-

блескъ на его духовный обликъ. Теркинъ, несомнѣнно, болѣе глубокъ и живописенъ, чѣмъ всѣ остальные мужскіе типы въ произведеніяхъ Боборыкина.

Мельче и слабѣе Теркина другой типъ Боборыкинскаго героя—графъ Тамանцевъ (въ романѣ «Ходокъ»). Какъ Ермиловъ, Таманцевъ—«однолюбъ» условнаго Боборыкинскаго пошиба, неспособный на сильное и здоровое, мужественное чувство (къ влюбленной въ него интеллигентной красавицѣ-купчихѣ, Глафирѣ Колчановой): онъ тяготѣетъ къ непрестанно, но изящно вожделѣющей, помятой и изломанной въ нравственномъ отношеніи чувственницѣ (великосвѣтской Кэтъ). Тѣмъ не менѣе, глубина, безкорыстіе и искренность самаго трогательнаго народолюбія ставятъ Таманцева цѣлой головою выше всѣхъ Боборыкинскихъ карьеристовъ и виверовъ. «Ходокомъ», добровольнымъ предстателемъ за мужиковъ своей родной вотчины, Таманцевъ становится вслѣдствіе того же чувства исконной, природной связи человѣка съ «почвой», какое дѣлаетъ типъ Василія Теркина столь жизненнымъ и симпатичнымъ. Но у Таманцева народолюбіе далеко не столь непосредственно и страстно, какъ у Теркина—къ его чувству примѣшивается чисто-разсудочное соображеніе: «если мужикъ совсѣмъ захирѣетъ—и всей машинѣ надо будетъ крикнуть: стопъ!» Конечно, Таманцеву зачастую приходится вести игру въ благодѣтели скучающаго барина-выскочки», за мужиковъ онъ ходатайствуетъ «какъ дилеттантъ»—но все же онъ полезенъ мужикамъ, ведетъ свою линію, искренно скорбитъ, когда мужики, въ ущербъ ихъ же собственнымъ интересамъ, позволяютъ «жохамъ» (вродѣ міроѣда Суслова) оттѣснить отъ себя его, Таманцева, и, благотворя мужикамъ, не надѣется

заполучить даже простого мужицкаго спасибо. Въ результатѣ, душевное благородство Таманцева даетъ свои плоды: онъ совращаетъ въ свое народническое сектантство никого другого, какъ бездушную, казалось бы, Китъ, вмѣстѣ съ нимъ идущую «въ народъ» на нравственный подвигъ (борьбу съ холерой), съ возгласомъ, особенно симпатичнымъ въ ея устахъ: «C'est inévitable!..»

Изъ этаго краткаго обзора главнѣйшихъ мужскихъ типовъ въ романахъ и повѣстяхъ Боборыкина явствуютъ тѣ двѣ черты, которыя мы желали бы отмѣтить въ психологіи самаго автора: безпристрастное, основанное на жизнерадостномъ оптимизмѣ, отношеніе къ заурядным жизненнымъ силамъ восьмидесятниковъ и вѣра въ торжество идеаловъ русской интеллигенціи, сказывающаяся въ обрисовкѣ типовъ «героевъ».

Женщины въ произведеніяхъ Боборыкина могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ типамъ: декадентки или, какъ ихъ любитъ называть авторъ, «каботинки, влюбленныя и героини.

Насколько излюбленнымъ является для Боборыкина мужской типъ вивера, настолько же симпатиченъ для него типъ «каботинки», лицедѣйки, нервной чувственницы и кокетки, неспособной на сильное и живое чувство къ мужчинѣ, декадентки съ признаками физическаго и нравственнаго вырожденія. Этотъ типъ, изображенный Мопассаномъ въ его романѣ «Notre coeur» «со всѣмъ страдальческимъ изумленіемъ полнокровнаго мужчины» (по выраженію одного критика), типъ, намѣченный Ибсеномъ и Стриндбергомъ, въ русской литературѣ до Боборыкина почти не встрѣчался, и изученіе его можетъ быть поставлено автору въ особенную заслугу. Боборы-

кинъ то и дѣло возвращается къ этой россійской Геддѣ Габлеръ: Нѣтова въ романѣ «Китай-городъ», Зина Ногайцева въ романѣ «Изъ новыхъ», Доротея Карусъ въ романѣ «На ущербѣ», Маруся Аксамитова въ повѣсти «Обречена», Ида въ романѣ «Перевалъ», Кэтъ въ романѣ «Ходокъ», Студенцова въ романѣ «По другому»— все это разновидности одного и того-же характера. Особенно тщательно обрисованъ этотъ характеръ въ романѣ «Изъ новыхъ», и указать на Зину Ногайцеву достаточно, чтобы напомнить читателю всѣ особенности психологіи другихъ «каботинокъ» Боборыкина.

«Каботинство» Боборыкинъ переводитъ словомъ «актерство»; Благомировъ (одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа «На ущербѣ») говоритъ Доротеѣ Карусъ, что подъ этимъ свойствомъ онъ подразумѣваетъ «жажду настоящую—игрецкую» постояннаго успѣха и непрерываемый внутренній самообманъ, при которомъ женщина вѣчно играетъ въ любовь, не будучи въ состояніи любить.

Это опредѣленіе довольно точно обозначаетъ сущность каботинства героинь Боборыкина (явленія, разумѣется, стараго, какъ женское кокетство: пожалуй, не только у Бальзака, но и у Шекспира въ типѣ Крессиды можно найти прототипъ каботинства!) Интересна, во всякомъ случаѣ, та детальность, съ какою обработалъ Боборыкинъ этотъ типъ. Карусъ—дилетантка (пѣвица); жаль, что этою черточкою, напоминающею о Башкирцевой, этой жертвѣ дилетантизма и внутренняго актерства, не пополнена характеристика также и Зины Ногайцевой. Въ остальномъ эта характеристика образцова. Зина Ногайцева не артистка, но великосвѣтская дѣвушка и каботинствуетъ не столь колоритно, какъ Карусъ или Студенцова; она не кокетничаетъ нервностью артистки,

но предпочитаетъ «напускать на себя какое-то истуканство въ иностранномъ вкусѣ». Она помѣшана на кружковщинѣ бомонда: «для нея существовалъ міръ избраннаго общества, «la haute gomme»—точно какая-то корпорація, родъ массонства; остальное было только фонъ—то, что она, когда объ этомъ думала, называла «repoussoir». Русская по происхожденію, она едва говоритъ на родномъ языкѣ и презираетъ свою родину: «съ тѣхъ поръ, какъ она въ Россіи, исключая Петергофъ, она не повстрѣчала ни одного мужчины «de son bord», ни одной женщины, кромѣ тѣхъ, что знавала раньше, за-границей; ничего въ этой странѣ, въ ея отечествѣ, не было «drôle» въ ея смыслѣ». Колоссальное самолюбіе Ногайцевой болѣзненнаго происхожденія: оно развилось подъ вліяніемъ непріятныхъ ощущеній, которыя ей пришлось испытать, какъ незаконнорожденной, одно время не признаваемой бомондомъ. Разбогатѣвъ, Ногайцева требуетъ отъ окружающихъ поклоненія и уваженія и права свои основываетъ на томъ, что никто такъ, какъ она, не слѣдуетъ заграничной модѣ во всемъ, что касается одежды и спорта. «У этихъ дамъ,—говоритъ о ней будущій супругъ ея, Рынинъ,—игры и уходъ за тѣломъ — въ родѣ какой-то религіи». И, дѣйствительно, культъ матеріалистическихъ инстинктовъ составляетъ главную жизненную задачу Зины: она часто бываетъ больна, «а чтобы отказаться когда-нибудь отъ игры, охоты, скачки — ни Боже мой; умретъ на мѣстѣ, а не откажется!» — даже немножко страдаетъ отчасти запоемъ, такъ что заболѣваетъ подагрою. Ей недоступны никакія духовныя наслажденія, которыя она могла-бы испытывать въ болѣе или менѣе чистомъ ихъ видѣ; любовь она представляетъ чѣмъ-то въ родѣ хоро-

шаго, стараго вина: когда, уже будучи замужемъ, она влюбляется въ идеалиста-народника (князя Ряжскаго) и ее влечетъ «къ борьбѣ съ его святостью», «его обѣщанiе прiѣхать на будущей недѣлѣ согрѣло ее, точно глотокъ чего-то крѣпкаго и ароматическаго». Чувственность у Ногайцевой развита непомѣрно—ее влечетъ къ адюльтерамъ, въ особые кабинеты ресторановъ на ужины съ дамами полусвѣта, — но при всемъ томъ, у нея измочаленные нервы, она не способна ни на какую сильную и продолжительную страсть. Извращенность природы, физiологическое вырожденiе Ногайцевой явствуетъ изъ ея инстинктивной ненависти къ мужчинѣ—черточка «вѣдьмъ» и «гiенъ» въ драмахъ Стриндберга. «Мужчинка,—врагъ!—разсуждаетъ Зина Ногайцева.—Видишь насквозь его желанiе: взять тебя, всего чаще безъ всякой любви и принизить; если и страсть на обоихъ нахлынетъ—(она понимала это только въ идеѣ),—такъ все же они чужды одинъ другому, два звѣря, которымъ надо разгрызть одну и ту же кость». Конечно, такая женщина можетъ быть въ тягость какъ другимъ, такъ и самой себѣ, — отсюда прирожденный всѣмъ Боборыкинскимъ каботинкамъ брюзжащiй пессимизмъ: видно, не очень то радостно положенiе женщины, не признающей ничего, кромѣ «стиля» (good style)... въ костюмахъ, манерахъ и спортѣ! «Стиль» этихъ каботинокъ, во всякомъ случаѣ, — совсѣмъ не русскiй стиль; къ счастью для юной культуры Россiи, эти выродженки немногочисленны и представляютъ собою явленiе экзотическое. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа «На ущербѣ» приравниваетъ «стиль» Зины Ногайцевой къ заимствованной иностранной отдѣлкѣ Петергофскаго парка: «Развѣ Зина Ногайцева не подходила всего больше вотъ къ этому

саду, съ его голландско-французской отдѣлкой, золочеными крышами, желтой штукатуркой, мостиками, фонтанами, монплезирами, садомъ, скульптурой рококо? Со всей его чужой, краденой, изломанной граціей, порядочностью и съ внутренними болѣзнями въ видѣ тумана, сырости, бѣлесоватой, хлоротической ночи?»

Но если у Боборыкина жизненны и реальны женщины на роляхъ «grandes coquettes», то «первыя любовницы» ему, въ общемъ, менѣе удаются.

Нельзя, однако, сказать, чтобы Боборыкинъ и для типа влюбленной женщины не нашелъ новыхъ, интересныхъ деталей,—можно указать на Серафиму въ «Василіѣ Теркинѣ», какъ на яркій и интересный типъ темпераментной поволжской красавицы; напомнимъ описаніе первой встрѣчи ея съ Теркинымъ:

«Она была «порядочная», безъ сомнѣнія, держала себя совсѣмъ прилично, хоть и смѣло, и одѣта была чудесно. До сихъ поръ онъ помнитъ черную большую шляпу съ яркими цвѣтами, покрытую кружевомъ, откуда, точно изъ-подъ навѣса, глядѣли ея глаза и улыбались ему. Да, сразу начали улыбаться. Онъ-было подумалъ: она надъ нимъ посмѣивается, что онъ сидитъ такимъ дуракомъ.—Но когда она заговорила, онъ въ ней распозналъ волжанку. Говоръ у нея былъ почти такой-же, какъ у него, только съ особеннымъ произношеніемъ звука «щ», какъ выговариваютъ въ Казани и ниже, въ родѣ «ш-ш». И увидалъ онъ тутъ только, что она очень молода, лѣтъ много двадцати. Станъ у нея былъ изумительной стройности и глаза такіе блестящіе, какихъ онъ никогда не видалъ—точно бриллиянтики заискрились въ глубинѣ зрачковъ!—«Нѣтъ, она не барское дитя»,—сказалъ онъ себѣ тогда-же». — И Серафима,

дѣйствительно, не барское дитя (хотя и жена товарища прокурора), а своеобразное, страстное дитя природы, употребляющая въ разговорѣ слова своего родного, раскольничьяго круга: «Вася! Не гнѣвайся! Душой я твоя, но пока съ мужемъ живу—не буду отъ него блудить»,—способная на все, подъ вліяніемъ страсти, даже на попытку убить «разлучницу», и презирающая Теркина съ момента, когда тотъ промѣнялъ ее, роскошную красавицу, на простенькую дѣвушку Соню, которую Серафима называетъ «сусликомъ».—Такая, до сумасшествія любящая женщина—хоть демоническимъ героинямъ Достоевскаго подъ стать, Грунюшкѣ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» или Настасьѣ Филипповнѣ, героинѣ романа «Идіотъ»!

Временами удаются Боборыкину и типы влюбленныхъ дѣвушекъ, хотя Тургеневская мечтательность совсѣмъ не свойственна индивидуальности реалиста-Боборыкина. Лидія въ „Раннихъ выводкахъ", напоминающая Мароиньку въ Гончаровскомъ „Обрывѣ" съ ея домовитостью, наивный и жизнерадостный „сусликъ"—Соня въ „Василіѣ Теркинѣ", Глафира Колчанова въ „Ходокѣ", столь трогательно-стыдливая въ проявленіяхъ своего глубокаго и страстнаго чувства, — все это живыя и привлекательныя личности, — но все-таки ни одна изъ нихъ не достигаетъ той объективной жизненности, какая бываетъ присуща Боборыкину лишь только онъ начнетъ живописать своихъ „каботинокъ".

Другое дѣло—женщины съ преобладаніемъ разсудка и воли надъ сердцемъ, съ извѣстною долею „героизма!" „Героини" у Боборыкина обрисованы гораздо ярче и интереснѣе, чѣмъ его „любовницы". Но его героини мало чѣмъ отличаются отъ каботинокъ и заурядныхъ

влюбленныхъ женщинъ: къ каботинкѣ или влюбленной Боборыкинъ присоединяетъ какую-нибудь симпатичную черту душевнаго идеализма,—и выходитъ типъ героини. Въ этомъ пріемѣ опять-таки сказывается присущій романисту оптимизмъ, основанный на довѣріи къ человѣческой природѣ, высшіе инстинкты которой въ романахъ Боборыкина такъ часто торжествуютъ надъ низшими влеченіями.

Понятно, почему такая-же великосвѣтская каботинка, какъ Погайцева,—героиня повѣсти „Безъ мужей" Марья Денисовна, находитъ въ себѣ неожиданно высшую нравственную силу для того, чтобы пойти на борьбу съ „бомондомъ" и посвятить себя воспитанію своего незаконнорожденнаго ребенка, брошеннаго было на произволъ судьбы. Неудивительно, что ослѣпленная страстью къ молодому парню пожилая кухарка Устинья, героиня повѣсти „У плиты", внезапно образумливается, когда видитъ, что возлюбленный готовъ идти на уголовщину, и предаетъ его въ руки правосудія. Ашимова, героиня повѣсти „Трупъ", особа со страстями Серафимы, не чувствуетъ себя способной, въ критическую минуту жизни, перешагнуть черезъ „нравственный трупъ" своей соперницы и отрекается ради послѣдней отъ своего возлюбленнаго... Временами Боборыкинъ рисуетъ женскіе типы съ „идеями" такой глубины и силы, какими не отличаются „идеи" героевъ-мужчинъ въ его романахъ. Надо имѣть много вѣры въ человѣческое достоинство, чтобы написать повѣсть вродѣ „Безвѣстная", въ которой выведена женщина, забывающая величайшія личныя и семейныя бѣдствія въ моментъ, когда будничная жизнь указываетъ ей дѣятельность, облегчающую страданія ближнихъ (дѣло идетъ объ акушеркѣ, отчаявшейся было

въ смыслѣ жизни въ моментъ, когда ея пріемная дочь стала уличной проституткой). Въ повѣсти „Вторая отъ воды“, въ лицѣ Марины Игнатьевны, скромной балетной танцовщицы, является благородство, достойное какой-нибудь римской матроны, въ минуту, когда Боборыкинской героинѣ, во имя нравственнаго воспитанія сына, приходится бросить слабаго и развратнаго мужа. Въ повѣсти „Поумнѣлъ“ Гаярина, идеалистка, не измѣнившая завѣтамъ своей юности, въ глазахъ читателя рѣшительно принижаетъ своимъ достоинствомъ мелкодушнаго своего супруга-карьериста. Въ особенности же посрамляетъ мужчинъ силою ума и воли, не говоря уже о чистотѣ сердца, Вѣра, героиня романа «Княгиня» (напечатаннаго въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1896 г.), имѣющая много общихъ чертъ съ Пушкинскою Татьяною, спокойно идущая на подвигъ, безконечно огромный для всякой женской натуры и выражаемый словами поэта: „я васъ люблю — къ чему лукавить? но я другому отдана, и буду вѣкъ ему вѣрна!“...

Словомъ, Боборыкинъ въ живописаніи также и женскихъ типовъ остался вѣренъ себѣ, какъ мыслителю-оптимисту, какъ „жизнерадостному интеллигенту“.

Изъ сказаннаго явствуетъ соціальное значеніе Боборыкинскихъ романовъ, вѣрно и точно отражающихъ общественныя вѣянія современности (очень любопытенъ его послѣдній романъ «Тяга, въ «Вѣстникѣ Европы 1898 г., изъ жизни русскаго вновь нарождающагося «четвертаго», рабочаго сословія). «Восьмидесятые» годы изучены имъ въ совершенствѣ.

Высоко-образованный авторъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи занимаетъ по праву первое мѣсто среди современныхъ русскихъ романистовъ: именно онъ конста-

тировалъ нарожденіе у насъ «третьяго сословія» и побѣду его надъ старымъ вотчиннымъ элементомъ, ослабленнымъ реформою 19 февраля 1861 года, и мало того: онъ отнесся къ побѣдѣ этой вполнѣ оптимистически, постоянно указывая на то, что въ умственномъ и нравственномъ отношеніи Василіи Теркины и Вѣры Финиковы (романъ «Княгиня») выше оскудѣвающихъ Звѣревыхъ и князей Кунгуровыхъ, что «разночинцы» берутъ верхъ, благодаря тому духовному аристократизму, которому, по самой природѣ вещей, должна всюду принадлежать передовая роль, остающаяся и въ нашъ демократическій вѣкъ за тѣми аристократами происхожденія, вродѣ князя Таманцева или Гаяриной, которые обладаютъ, независимо отъ своей родовитости, также всѣми правами личной заслуги. Въ этомъ отношеніи Боборыкинъ отвоевалъ себѣ совершенно особое мѣсто въ литературѣ: «для праваго» фланга нашей журналистики онъ, какъ авторъ романа «Наши люди» («Русская Мысль», 1893 г.), изображающаго торжество россійскихъ Фигаро надъ россійскими графами Альмавивами, слишкомъ демократиченъ, а для «лѣваго» фланга—слишкомъ буржуазенъ: тамъ ему не прощаютъ крылатаго словца „направленство", его мелкодушныхъ народниковъ—Кустарева („На ущербѣ"), Разсудина („По другому"), вырисованныхъ съ безжалостнымъ натурализмомъ, его сочувствія Василію Теркину и графу Таманцеву, этимъ культуртрегерамъ „сверху". За то вся масса образованнаго, въ литературномъ отношеніи, русскаго общества—безусловно за Боборыкина, являющагося въ данный историко-культурный моментъ выразителемъ пожеланій и предчувствій русской „интелли-

генцін", во всемъ широкомъ и многозначительномъ смыслѣ этого слова.

Причины русской жизнерадости, выразителемъ которой, въ отношеніи къ восьмидесятникамъ, является Боборыкинъ, слишкомъ многосложны, чтобы онѣ могли быть констатированы въ немногихъ словахъ, но всѣ они могутъ быть сведены къ одной психологической сущности: къ чувству молодости, свойственному русскимъ интеллигентамъ! Наша культура, которая развивается замѣтными и рѣшительными шагами лишь два вѣка, съ Петра Великаго (а что значитъ два вѣка въ жизни государства и націи), еще не имѣетъ прошлаго, и во всѣхъ неурядицахъ настоящаго ищетъ успокоенія въ свѣтломъ будущемъ. Тургеневъ приходилъ въ отчаяніе отъ этого оптимизма и его Потугинъ въ „Дымѣ" казнитъ это свойство русскихъ интеллигентовъ, восклицая: „Прекраснѣйшіе люди, а та же смѣсь отчаянія и задора, то же живутъ буквою „буки". Все-моль будетъ, будетъ. Въ наличности ничего нѣтъ, и Русь въ цѣлые десять вѣковъ ничего своего не выработала, ни въ управленіи, ни въ судѣ, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни даже въ ремеслѣ... Но постойте, потерпите: все будетъ. А почему будетъ, позвольте полюбопытствовать?" —Какъ мы увидимъ, Чеховъ не вѣритъ въ эту букву „буки" и постоянно задаетъ вопросъ: „а почему будетъ?"—но психологическая основа русской жизнерадости отъ этого не мѣняется, служа какъ бы подтвержденіемъ извѣстному афоризму: „слова и иллюзіи гибнутъ, факты остаются". Гибнутъ слова Потугинскаго сомнѣнія, гибнутъ и иллюзіи шестидесятниковъ, но фактъ русской жизнерадости, сознанія духовной мощи и вѣры въ лучшую будущность остается въ душѣ рус-

каго человѣка. Въ единствѣ этой жизнерадости примиряются всѣ партіи, интеллигенты всѣхъ отѣнковъ. Пользуясь уже цитированнымъ сравненіемъ Герцена, можно сказать, что русская интеллигенція, какъ Янусъ или двуглавый орелъ, смотритъ въ разныя стороны—въ стороны славянофильства и западничества, ретроградства и прогрессизма, демократизма и аристократизма, по самою природою объединена единочувствіемъ, такъ какъ сердце въ ней бьется одно. Въ этомъ русскомъ сердцѣ много загадочнаго и таинственнаго, удивляющаго иностранцевъ, которые зачастую глядятъ на нашихъ интеллигентовъ, покачивая головой, какъ одинъ изъ персонажей Достоевскаго, докторъ Герценштубе (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ“), который полагаетъ, что „русскій весьма часто смѣется тамъ, гдѣ надо плакать“,—но фактъ остается фактомъ. И если допытываться у русскаго интеллигента о реальныхъ причинахъ его жизнерадости, то онъ не сумѣетъ сказать ничего путнаго, а отвѣтитъ такимъ же неопредѣленнымъ, страннымъ, именно въ устахъ точныхъ стилистовъ въ родѣ Герцена, терминомъ, какъ „русское сердце“, и будетъ повторять съ Галилеевскимъ упрямствомъ: „А все же оно бьется!“.

III.

Говорить о Чеховѣ, какъ о жизнегорестномъ интеллигентѣ, можно лишь по поводу нѣкоторыхъ его произведеній болѣе или менѣе крупныхъ по объему и субъективныхъ по содержанію; у него есть масса маленькихъ разсказовъ, проникнутыхъ отблескомъ солнечной

стороны жизни (есть даже цѣлый сборникъ вещей юмористическихъ, входящихъ въ репертуаръ «разсказчиковъ изъ народнаго быта» и куплетистовъ — «Пестрые разсказы»). Въ наиболѣе законченныхъ вещахъ Чехова пессимистическое настроеніе и пессимистическое отношеніе къ интеллигенціи восьмидесятыхъ годовъ слишкомъ замѣтно. Въ интеллигенціи, изображенной Чеховымъ, преобладаютъ типы: скептика — Гамлета, самоубійцы и выродженца-психопата.

Скептикомъ-Гамлетомъ, примыкающимъ къ «лишнимъ людямъ» Тургенева, выставленъ у Чехова старый профессоръ въ разсказѣ „Скучная исторія. Изъ записокъ стараго человѣка" („Сѣверный Вѣстникъ", 1889 г. № 11). Старый профессоръ Чехова — человѣкъ, потерявшій внутреннее равновѣсіе подъ вліяніемъ старости и мысли о приближающейся смерти, а главнымъ образомъ — отъ постоянной внутренней грызни и сверленія (того, что нѣмцы называютъ „Grübelei"). Старый профессоръ—человѣкъ съ высоко-культурными привычками, умный, деликатный и добрый, даже очень дѣятельный (каждая его лекція—борьба съ невѣжественной и скучающей аудиторіей, и изъ каждой лекціи профессоръ выходитъ побѣдителемъ; „я думаю,—говоритъ онъ,—что Геркулесъ послѣ самаго пикантнаго изъ своихъ подвиговъ не чувствовалъ такого сладостнаго изнеможенія, какое переживалъ я всякій разъ послѣ лекцій")—но въ немъ есть какая-то сухость и черствость прирожденнаго скептика; онъ, напримѣръ, мало доступенъ вліяніямъ искусства и мало понимаетъ его.

Это человѣкъ безъ темперамента, весь погруженный въ самого себя, мягкотѣлый меланхоликъ, вродѣ Гамлета (который, по Шекспиру, награжденъ отъ при-

роды тучностью). Это Тургеневскій Неждановъ, герой „Нови"; Неждановъ былъ-бы точно такимъ пустоватымъ и скучнымъ старикомъ, если-бы дожилъ до почтеннаго возраста профессора, который разсказываетъ о себѣ:

„Я думаю, долго думаю и ничего не могу придумать. И сколько-бы я ни думалъ, и куда-бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то очень важнаго. Въ моемъ пристрастіи къ наукѣ, въ моемъ желаніи жить и въ стремленіи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое... Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуютъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей, или Богомъ живого человѣка... А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего!"

И дѣйствительно, на счетъ опредѣленной цѣли жизни, нравственныхъ устоевъ и идеаловъ у Чеховскаго героя „слабо"; онъ безпомощнѣе въ этомъ отношеніи Боборыкинскихъ карьеристовъ „виверовъ", съ ихъ маленькими, но опредѣленными цѣлями и идеалами — не говоря уже о Боборыкинскихъ восьмидесятникахъ-герояхъ. Старый профессоръ настолько плохъ, что не можетъ подать простого участливаго совѣта женщинѣ, ему симпатичной и обращающейся къ нему съ вопросомъ: „что мнѣ дѣлать?"—вопросомъ тѣмъ болѣе простымъ, что въ устахъ этой женщины (а можетъ быть, и всякой другой) этотъ вопросъ значитъ только: „кого мнѣ любить?" —И все-таки онъ внушаетъ читателю нѣкоторую симпа-

тію, такъ какъ этотъ человѣкъ, по своимъ гуманнымъ инстинктамъ, значительно выше своей некультурной среды, эксплоатирующей его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Трогательно то негодованіе, съ какимъ бичуетъ себя старый профессоръ за то, что его недовольство собою заставляетъ его раздражаться и сердиться на окружающихъ:

„Самое лучшее и самое святое право королей,— говоритъ онъ,—это право помилованія. И я всегда чувствовалъ себя королемъ, такъ какъ безгранично пользовался этимъ правомъ. Я никогда не судилъ, былъ снисходителенъ, охотно прощалъ всѣхъ направо и налѣво. Гдѣ другіе протестовали и возмущались, тамъ я только совѣтовалъ и убѣждалъ. Всю свою жизнь я старался только о томъ, чтобы мое общество было выносимо для семьи, студентовъ, товарищей, для прислуги. И такое мое отношеніе къ людямъ, я знаю, воспитывало всѣхъ, кому приходилось быть около меня. Но теперь уже я не король. Во мнѣ происходитъ нѣчто такое, что прилично только рабамъ: въ головѣ моей день и ночь бродятъ злыя мысли, а въ душѣ свили себѣ гнѣздо чувства, какихъ я не зналъ раньше“.

Эти выраженія „король“ и „рабъ“ чрезвычайно характерны для героевъ Чехова: эти интеллигенты въ умственномъ и нравственномъ отношеніи обыкновенно значительно выше своихъ окружающихъ и похожи на королей среди рабовъ. Герои Боборыкинскихъ романовъ далеко не выдаются такъ надъ своею средою, какъ герои Чехова; съ этой точки зрѣнія, Чеховъ проявляетъ извѣстный культъ умственнаго аристократизма, культъ интеллигентности — хотя и относится отрицательно къ слабосилію и слабоволію своихъ героевъ; онъ ихъ раз-

вѣнчиваетъ, но для него и „кумиръ повергнутый — все Богъ!“

Очень напоминаетъ стараго профессора болѣе молодой герой разсказа „Жена“, также разъѣденный ядомъ гамлетовщины, также безъ „общей идеи“ (онъ полагаетъ, напримѣръ, что даже въ робкихъ линіяхъ тѣхъ мостовъ, которые онъ строитъ, какъ инженеръ, видны его безхарактерность и боязнь вѣчности); также и этому герою присущи извѣстные гуманные инстинкты, побуждающіе его дѣлать добро, къ которому онъ, въ сущности, равнодушенъ (а именно, этотъ герой, подъ вліяніемъ жены, посвящаетъ себя филантропіи случайнаго характера, помогаетъ голодающимъ). Также и въ этомъ разсказѣ Чеховъ является писателемъ, одновременно и любящимъ, и бичующимъ русскую интеллигенцію 80-хъ годовъ.

При отсутствіи опредѣленнаго міровоззрѣнія и характера, интеллигенты Чехова со своими гуманными инстинктами не въ состояніи выдерживать вліяній полудикой, невѣжественной среды — и въ самомъ началѣ жизненной борьбы изнемогаютъ до такой степени, что, не колеблясь, накладываютъ на себя руки. Самоубійцы Чехова—это дальнѣйшая эволюція его скептиковъ-Гамлетовъ, въ сторону пессимизма. Ивановъ (герой драмы этого названія, 1889 г.)—въ сущности такой же мягкій и культурный человѣкъ, какъ и старый профессоръ, но до такой степени неприспособленный къ жизни, что падаетъ подъ бременемъ перваго же серьезнаго внутренняго конфликта: Ивановъ женатъ, влюбился въ молоденькую дѣвушку; больная жена его не пережила этой интриги, и Ивановъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ, такъ какъ у него нѣтъ темперамента, достаточно сильнаго для того, чтобы забыть угрызенія совѣсти. Глубоко-честная и доб-

рая по натурѣ природа слышится въ жалобахъ Иванова на самого себя: «Что стало съ моими нервами?—винитъ себя этотъ „король“ захолустной интеллигенціи (дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ уѣздовъ средней полосы Россіи).—Стоитъ только больной женѣ уколоть мое самолюбіе, или не угодитъ прислуга, или ружье дастъ осѣчку—какъ я становлюсь грубъ, золъ и не похожъ на себя!» — Какъ всѣ Гамлеты, онъ прекрасно понимаетъ исконную причину своего несчастія; въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ монологовъ онъ констатируетъ исконный свой порокъ—лѣнь и слабость:

„Если неглупый, образованный и здоровый человѣкъ,—говоритъ Ивановъ, — безъ всякой видимой причины сталъ пѣть Лазаря и покатилъ внизъ по наклонной плоскости, то катитъ ужъ безъ удержа, и нѣтъ ему спасенія! Ну, гдѣ мое спасеніе? Въ чемъ? Пить я не могу—голова болитъ отъ вина; плохихъ стиховъ писать — не умѣю; молиться на свою душевную лѣнь и видѣть въ ней нѣчто этакое, превыспреннее не желаю. Лѣнь и есть лѣнь, слабость—слабость; другихъ названій у меня нѣтъ. Такъ въ чемъ-же мое спасеніе? Скажешь—любовь? Стара штука! Любовь — это лишній толчекъ въ спину; она осложняетъ душевную смуту, къ тоскѣ прибавляетъ новую тоску. Выиграть 200 тысячъ? То же самое. Возбудить и поднять мой духъ можно до самаго неба, но послѣ возбужденія наступаетъ похмѣлье и мой духъ падаетъ еще ниже, чѣмъ былъ. Нужно понимать это и не скрывать отъ себя! У нашего брата, нытика, есть одно спасеніе“...

И Ивановъ показываетъ на фактѣ, въ чемъ это спасеніе: онъ застрѣливается.

Очень похожъ на Иванова другой самоубійца Че-

хова—Треплевъ въ комедіи «Чайка» (1896 г.)—также очень добродушный и очень несчастный, благодаря своей неуравновѣшенности и также неудачной любви, «нытикъ». Но Треплевъ не „непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія“, а поэтъ-символистъ или „декадентъ“, какъ его называютъ окружающіе (изрядные дикари и варвары, какъ обыкновенно у Чехова, любящаго контрасты интеллигентности и первобытности),—и свои ощущенія описываетъ колоритнѣе и интереснѣе Иванова. Маленькая интермедія, сочиненная Треплевымъ, появляющаяся въ видѣ эпизода въ „Чайкѣ“, прекрасно характеризуетъ настроеніе современнаго интеллигента пессимиста. Треплевъ символизуетъ свою душу въ фантастическомъ образѣ міровой души, въ которой слились души всѣхъ живыхъ существъ, когда-то населявшихъ землю. „Тѣла живыхъ существъ исчезли въ прахѣ и вѣчная матерія обратила ихъ въ камни, въ воду, въ облака, а души ихъ всѣхъ слились въ одну,—декламируетъ въ „Чайкѣ“ актриса, вся въ бѣломъ, изображающая „душу“ Треплева.—Общая міровая душа—это я... я... Во мнѣ душа и Александра Великаго, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и послѣдней піявки; во мнѣ сознанія людей слились съ инстинктами животныхъ, и я помню все, все, все, и каждую жизнь въ себѣ самой переживаю вновь». Этимъ фантастическимъ символомъ прекрасно выражено настроеніе души поэта-восьмидесятника, который подобно Гёте могъ бы сказать, что „съ природой одною онъ жизнью дышалъ“, совмѣщая въ себѣ ощущенія цѣлаго ряда живыхъ существъ, но не можетъ объединить въ себѣ эти ощущенія „общей идеей“, а потому и страдаетъ. Символическая женщина въ комедіи „Чайка“ жа-

луется именно на безконечность своего страданія: „Отъ меня не скрыто, что въ упорной жестокой борьбѣ съ дьяволомъ, началомъ матеріальныхъ силъ, мнѣ суждено побѣдить, и послѣ того матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной, и наступитъ царство міровой воли. Но это будетъ лишь, когда мало по малу, черезъ длинный, длинный рядъ тысячелѣтій, и луна, и свѣтлый сиріусъ, и земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ—ужасъ, ужасъ!..“

И этотъ ужасъ существованія, лишеннаго цѣли и смысла, но полнаго постоянныхъ страданій, Треплевъ кончаетъ, какъ уже мы сказали, самоубійствомъ.

Всѣ интеллигенты Чехова страдаютъ тѣмъ, что психіатры называютъ «абуліей», — безволіемъ и болѣе или менѣе близки къ ненормальному состоянію психическихъ способностей. Во всемъ ужасѣ строжайшаго реализма эта близость русскихъ интеллигентовъ-нытиковъ къ помѣшательству изображена Чеховымъ въ повѣсти «Палата № 6». Докторъ Андрей Ефимовичъ Рагинъ, постепенно забывающій здоровыхъ людей (правда, тупыхъ и глупыхъ въ сравненіи съ нимъ, интеллигентомъ —какъ всегда у Чехова) для бесѣдъ съ сумасшедшимъ пессимистомъ, — это все тотъ-же старый профессоръ, Ивановъ или Треплевъ, которые замечтались и зафилософствовались сначала до психопатіи, а потомъ и до формальной «меланхоліи». Слабость и лѣнь оказались наклонною плоскостью, по которой покатился внизъ, до границъ безумія и смерти, несчастный русскій интеллигентъ. Для того, чтобы представить всѣ ступени этого паденія, достаточно прочесть страничку, изображающую первыя похожденія вновь пріѣхавшаго доктора въ захолустномъ городишкѣ; когда зрѣлище неприглядной дѣй-

ствительности — дурно содержимой городской больницы сразу запугиваетъ безвольнаго интеллигента и побуждаетъ лишь къ резонерству, въ его положеніи, въ положеніи человѣка живой, практической дѣятельности, совершенно ненормальному. Злополучный эскулапъ разсуждаетъ:

«Къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть нормальный конецъ каждаго? Что изъ того, если какой-нибудь торгашъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять лѣтъ? Если-же видѣть цѣль медицины въ томъ, что лѣкарствѣ облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во-первыхъ, говорятъ, что страданія ведутъ человѣка къ совершенству, и, во-вторыхъ, если человѣчество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія пилюлями и каплями, то оно совершенно забросить религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастіе. Пушкинъ передъ смертью испытывалъ страшныя мученія, бѣдняжка Гейне нѣсколько лѣтъ лежалъ въ параличѣ; почему-же не поболѣть какому-нибудь Андрею Ефимычу или Матренѣ Савишнѣ, жизнь которыхъ безсодержательна и была-бы совершенно пуста и похожа на жизнь амебы, если-бы не страданія?

Подавляемый такими разсужденіями, Андрей Ефимычъ опустилъ руки и сталъ ходить въ больницу «не каждый день».

Эти-то разсужденія и привели его впослѣдствіи въ «палату № 6» для сумасшедшихъ, въ качествѣ меланхолика, негоднаго для общества здоровыхъ людей. «Палата № 6», одно изъ лучшихъ произведеній Чехова, по глубинѣ психологическаго анализа, есть въ то-же время

въ высшей степени субъективная вещь: ни въ одномъ другомъ произведеніи Чеховъ не высказалъ столько любви къ интеллигенту-восьмидесятнику и столько презрѣнія къ его слабости. Давъ добродушному Андрею Ефимычу въ пріятели тупого Михаила Аверьяныча (что-то вродѣ гоголевскаго Ноздрева), авторъ точно приглашаетъ читателя умозаключить: кто-же изъ нихъ больше сумасшедшій?—и все-же не щадитъ своего героя, казня его устами одного изъ сумасшедшихъ «Палаты № 6», превосходно раскусившаго психологію интеллигента-психопата:

«Росли вы подъ крылышкомъ отца и учились на его счетъ, а потомъ сразу захватили синекуру. Больше двадцати лѣтъ вы жили на безплатной квартирѣ, съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ, съ прислугой, имѣя при томъ право работать какъ и сколько вамъ угодно, хоть ничего не дѣлать. Отъ природы вы человѣкъ лѣнивый, рыхлый и потому старались складывать свою жизнь такъ, чтобы васъ ничто не безпокоило и не двигало съ мѣста. Дѣла вы сдали фельдшеру и прочей сволочи, а сами сидѣли въ теплѣ, да въ тишинѣ, копили деньги, книжки почитывали, услаждали себя размышленіями о разной возвышенной чепухѣ и (Иванъ Дмитричъ посмотрѣлъ на красный носъ доктора) выпивахомъ. Однимъ словомъ, жизни вы не видѣли, не знаете ея совершенно, а съ дѣйствительностью знакомы только теоретически. А презираете вы страданія и ничему не удивляетесь по очень простой причинѣ: суета-сует, внѣшнее и внутреннее презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, уразумѣніе, истинное благо — все это философія, самая подходящая для россійскаго лежебока».

И когда Андрей Ефимычъ попалъ на вѣчное жительство въ «палату № 6» и, сознавая свое положеніе,

жалуется сумасшедшему Ивану Дмитричу, тотъ пришибаетъ его насмѣшливымъ совѣтомъ: «А вы пофилософствуйте!»—И если искать символовъ во всякой реалистической детали современнаго художественнаго произведенія искусства, то можно было-бы, пожалуй, сказать, что это не грубый сторожъ Никита бьетъ кулаками въ «палатѣ № 6» сумасшедшаго Андрея Ефимыча,—это самъ авторъ колотитъ грубымъ кулакомъ сатирика и пессимиста современнаго, ослабѣвшаго до психопатіи, интеллигента-восьмидесятника.

Въ повѣсти «Дуэль»—то-же сатирическое отношеніе къ слабовольному и на этотъ разъ глупенькому интеллигенту, Лаевскому, котораго Чеховъ подставляетъ подъ пистолетъ и подъ дубоватыя, вродѣ кулаковъ Никиты, изобличительныя проповѣди зоолога фонъ-Корена, полагающаго со всей неумолимостью фанатика-дарвиниста, что подобныхъ Лаевскому субъектовъ, въ видахъ улучшенія человѣческой расы, слѣдовало-бы уничтожать. Но на этотъ разъ Чеховъ милостивъ къ своему восьмидесятнику: страхъ смерти, который Лаевскій испыталъ подъ дуломъ пистолета фонъ-Корена, оказалъ благодѣтельное вліяніе на измельчавшую душонку этого слабонервнаго кутилы и, оставшись живъ послѣ дуэли, онъ «скрутилъ себя» и началъ новую жизнь—скромнаго, вполнѣ порядочнаго человѣка.

Женщины у Чехова проще, симпатичнѣе и, въ общемъ, возвышеннѣе женскихъ типовъ Боборыкина. Есть и у него каботинки и декадентки — такова Катя въ «Скучной исторіи», потерявшая нравственный смыслъ жизни и старающаяся прикрасить свою жизнь красивыми бездѣлушками. «Если-бы кто взялся нарисовать ея обстановку,—пишетъ Чеховъ,—то преобладающимъ настро-

еніемъ въ картинѣ получилась-бы лѣнь. Для лѣниваго тѣла—мягкія кушетки, мягкія табуретки, для лѣнивыхъ ногъ—ковры, для лѣниваго зрѣнія — линючіе, тусклые или матовые цвѣта; для лѣнивой души — изобиліе на стѣнахъ дешевыхъ вѣеровъ и мелкихъ картинъ, въ которыхъ оригинальность исполненія преобладаетъ надъ содержаніемъ, избытокъ столиковъ и полочекъ, уставленныхъ совершенно ненужными и не имѣющими цѣны вещами, безформенные лоскутья вмѣсто занавѣсей... Все это вмѣстѣ съ боязнью яркихъ цвѣтовъ, симметріи и простора, помимо душевной лѣни, свидѣтельствуетъ еще и объ извращеніи естественнаго вкуса». Но той-же Катѣ свойственно страстное стремленіе къ высшему смыслу жизни, выражающееся въ ея возгласахъ: «Я не могу дольше такъ жить! Не могу! Ради истиннаго Бога скажите скорѣе, сію минуту: что мнѣ дѣлать? Говорите: что мнѣ дѣлать?» У этой Кати — великая способность любить беззавѣтно и идеально, проявляющаяся въ ея восклицаніи по адресу героя разсказа: «О, если-бы я была вашею дочерью! Я не позволила-бы пылинкѣ сѣсть на васъ, я-бы безжалостно рубила всѣ тѣ деревья, которыя смѣютъ бросать на васъ тѣнь. Я сторожила-бы каждую минуту вашего покоя и заставила-бы себя увѣровать въ Бога, чтобы молиться за ваше счастье!» Не вина этой Кати, если ей нечего дѣлать, некого любить, некому отдавать свое любвеобильное сердце, такъ какъ герой разсказа оказывается, въ концѣ концовъ, слишкомъ ужъ незначительнымъ существомъ. Поневолѣ приходится ударяться въ декадентскіе пустячки — тѣмъ болѣе, что Катя въ душѣ—артистка.

Безусловно удаются Чехову типы влюбленныхъ женщинъ. Его Саша въ «Ивановѣ», съ ея культомъ

героизма—чисто-Тургеневскій типъ. Чеховъ отмѣчаетъ, между прочимъ, интересную черточку въ этомъ типѣ. Саша до такой степени активная натура, что ей нравится до извѣстной степени нытье и слезоточивость Иванова. На вопросъ Иванова: «развѣ быть женою сильнаго и храбраго человѣка хуже, чѣмъ быть сидѣлкой у какого-нибудь слезоточиваго неудачника?»—Саша дѣлаетъ слѣдующее, въ высшей степени любопытное, признаніе: «Хуже!... Мужчины многаго не понимаютъ. Всякой дѣвушкѣ скорѣе нравится неудачникъ, чѣмъ счастливецъ, потому что каждую соблазняетъ любовь дѣятельная... Понимаешь? Дѣятельная.—Мужчины заняты дѣломъ, и потому любовь у нихъ на третьемъ планѣ. Поговорить съ женой, погулять съ ней по саду, пріятно провести время, на ея могилкѣ поплакать, — вотъ и все. А у насъ любовь — это жизнь. Я люблю тебя; это значитъ, что я мечтаю, какъ я излѣчу тебя отъ тоски, какъ пойду съ тобой на край свѣта... Ты на гору и я на гору; ты въ яму, и я въ яму. Для меня, напримѣръ, было-бы большимъ счастьемъ всю ночь бумаги твои переписывать, или всю ночь сторожить, чтобы тебя не разбудилъ кто-нибудь, или итти съ тобой пѣшкомъ верстъ сто... Помню, года три назадъ, ты разъ, во время молотьбы, пришелъ къ намъ весь въ пыли, загорѣлый, измученный и попросилъ пить: «Шурочка, дайте, голубчикъ, водицы!» Принесла я тебѣ стаканъ, а ты уже лежишь на диванѣ и спишь, какъ убитый. Спалъ ты у насъ полсутокъ, а я все время стояла за дверью и сторожила, чтобы кто не вошелъ. И такъ мнѣ было хорошо!... Чѣмъ больше труда, тѣмъ любовь лучше,— то-есть она, понимаешь-ли, сильнѣй чувствуется!»

Женскихъ натуръ, дѣятельныхъ внѣ рамокъ „се-

мейственности, «героинь» въ широкомъ смыслѣ слова, въ произведеніяхъ Чехова не встрѣчается. Его героини—героини полнаго самопожертвованія любимому человѣку, вродѣ Анны Петровны въ „Ивановѣ“, крещенной еврейки, бросившей для мужа свою прежнюю семью и прежнюю религію: „Я полюбила его съ перваго раза, —говоритъ Анна Петровна;—взглянула, а мышеловка хлопъ! Онъ сказалъ: пойдемъ... Я отрѣзала отъ себя все—какъ, знаете, отрѣзаютъ гнилые листья ножницами, и пошла.» Подъ стать этой Аннѣ Петровнѣ—экзальтированная Нина Зарѣчная въ «Чайкѣ», которую любимый ею Тригоринъ сравниваетъ съ случайно подстрѣленной чайкой. Для Тригорина (беллетриста, по пьесѣ) вся интрига съ Ниной—«сюжетъ для небольшого разсказа» про подстрѣленную чайку и загубленную охотникомъ дѣвицу, но для Нины ея любовь—большая героическая трагедія, въ которой она произноситъ тираду: «Если тебѣ когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее». Своего рода героиней является и Надежда Ѳедоровна въ «Дуэли», грѣшная подруга легкомысленнаго Лаевскаго, вмѣстѣ съ послѣднимъ подвергшая себя подвигу самоискупленія и самосовершенствованія. Изрѣдка лишь мелькнетъ у Чехова «героиня», стремящаяся къ мужскимъ цѣлямъ существованія—вродѣ его «жены», посвятившей себя дѣлу помощи голодающимъ; но такихъ персонажей въ его произведеніяхъ немного. Въ общемъ, его интеллигентныя женщины проще и симпатичнѣе героинь Боборыкина,—и Чеховъ, хотя и вырисовываетъ ихъ безъ особенной идеализаціи и энтузіазма, но зато и относится къ нимъ съ ровнымъ и искреннимъ доброжелательствомъ, не допуская въ ихъ отношеніи пессимистическаго тона, который у него такъ

часто прорывается при сужденіяхъ о мужчинахъ-восьмидесятникахъ.

Чеховъ отзывчивъ въ такой же мѣрѣ на отрицательныя стороны русской интеллигенціи, почему онъ съ такою же охотою изображаетъ слабыхъ, усталыхъ «нытиковъ», съ какою Боборыкинъ рисуетъ благополучныхъ россіянъ,—такова уже сущность его жизнегорестной психической организаціи. Но несомнѣнно, что русская жизнь даетъ ему богатый матеріалъ для проявленія этой жизнегорести, коренящейся въ томъ же фактѣ молодости русской культуры, въ которомъ коренится и русская жизнерадость. Культура наша молода, интеллигентъ всюду малочисленъ и просто подавляемъ массами некультурныхъ, кишащихъ вокругъ него, элементовъ; сама жизнь даетъ много матеріала для пессимистическихъ созерцаній, замаскированныхъ у Чехова объективнымъ Мопассановскимъ тономъ повѣствованія и описанія. Какая-то прирожденная незлобивость натуры мѣшаетъ Чехову высказывать свой пессимизмъ въ формѣ рѣзкой сатиры; но несомнѣнно, что любя русскаго интеллигента-восьмидесятника не менѣе Боборыкина, Чеховъ относится къ этому интеллигенту съ уныніемъ и разочарованіемъ.

IV.

Общіе выводы, къ которымъ приводитъ нашъ краткій и бѣглый обзоръ типовъ современнаго общества въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова, могутъ быть формулированы въ нѣсколькихъ словахъ. Въ произведеніяхъ Боборыкина фигурируютъ интеллигенты-дѣятели, въ

произведеніяхъ Чехова—интеллигенты-созерцатели; на женскихъ типахъ обоихъ беллетристовъ лежитъ отпечатокъ ихъ взглядовъ на мужчинъ-восьмидесятниковъ: женщины въ романахъ Боборыкина—натуры болѣе активныя, чѣмъ въ повѣстяхъ, разсказахъ и драмахъ Чехова. Къ одной и той же эпохѣ, начавшейся въ восьмидесятыхъ годахъ и продолжающейся нынѣ, Боборыкинъ и Чеховъ относятся различно: требованія, предъявляемыя Боборыкинымъ къ русской интеллигенціи, скромнѣе требованій Чехова, и онъ отмѣчаетъ болѣе свѣтлыхъ явленій въ жизни и дѣятельности современнаго русскаго интеллигента; это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ разницы въ «жизнерадостномъ» и «жизнегорестномъ» взглядѣ на жизнь, свойственномъ натурѣ беллетристовъ, но несомнѣнно, что и русская дѣйствительность не даетъ простора тѣмъ утонченно-культурнымъ элементамъ русскаго общества, описаніе гибели которыхъ составляетъ обычное содержаніе произведеній Чехова.

Теперь мы можемъ констатировать наличность въ поколѣніи восьмидесятниковъ извѣстнаго соціальнаго инстинкта, толкающаго на общественную дѣятельность героевъ Боборыкина, и наличность въ томъ же поколѣніи высшихъ, философскихъ стремленій, къ сожалѣнію, не связанныхъ «общею идеею», въ душахъ героевъ Чехова. Но тутъ и является вопросъ: какимъ образомъ восьмидесятники ощутили извѣстный соціальный идеалъ и извѣстную философскую мысль, не находя кругомъ себя достаточно яркихъ выразителей этого идеала и этой мысли? Отвѣтъ простъ: этотъ идеалъ и эта мысль унаслѣдованы и переданы по традиціи; соціальные элементы въ психологіи современнаго восьмидесятника

перешли отъ поколѣнія людей 40-хъ годовъ, философскіе элементы—отъ поколѣній людей 40-хъ годовъ. Несомнѣнна, такимъ образомъ, преемственность въ духовномъ развитіи трехъ поколѣній: какъ бы ни клеветала на «внуковъ» нѣкоторая часть современнаго русскаго общества, но эти внуки—законнѣйшіе потомки по духу и «отцовъ»—Базаровыхъ, и «дѣдовъ»—Рудиныхъ. Эти основныя два свойства психологіи восьмидесятниковъ, инстинктъ общественности и философская тенденція, еще пока только намѣчены и не могли ярко выразиться; но весьма возможно, что при сочетаніи благопріятныхъ условій внѣшнеисторическаго характера, прекрасныя свойства эти проявятся во всей ихъ красотѣ; представимъ какое нибудь историческое событіе въ русской жизни, по значенію равное событію освобожденія крестьянъ—и «a priori» можно умозаключить, что современное поколѣніе не окажется ничѣмъ хуже своихъ предковъ, отъ которыхъ, какъ-никакъ, оно унаслѣдовало лучшія традиціи.

Итакъ, для вѣрнаго пониманія психологіи современнаго русскаго общества, надо произвести мысленный синтезъ основныхъ типовъ творчества обоихъ современныхъ беллетристовъ; синтезъ этотъ дастъ типъ „дѣятельнаго интеллигента-идеалиста“—и въ эту эволюцію восьмидесятника можно вѣрить, какъ въ нѣчто положительное, нѣчто, уже имѣющее почву и корни въ современности.

Любопытно сравнить этотъ выводъ, сдѣланный изъ наблюденія надъ типами беллетристики, съ выводомъ, сдѣланнымъ публицистикою изъ непосредственныхъ на-

блюденій надъ жизнью. Публицистъ Шелгуновъ, обыкновенно клеймящій „восьмидесятниковъ“, однажды обмолвился о нихъ интереснымъ разсужденіемъ (въ статьѣ «Еще о свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ»).

«Вычеркнувъ радикализмъ и борьбу, фракція эта (восьмидесятниковъ),—говоритъ Шелгуновъ,—задалась мыслью служить народу непосредственнымъ практическимъ путемъ и удовлетворять его насущнымъ нуждамъ въ просвѣщеніи и благоустройствѣ простыми ближайшими средствами и энергическимъ трудомъ безъ всякой окраски его въ какой-либо посторонній цвѣтъ или тенденцію, для практическаго дѣла, по мнѣнію фракціи, не имѣющихъ никакого значенія. Программа эта, несомнѣнно, почтенная и должна привести непремѣнно къ плодотворнымъ результатамъ, потому что подготовитъ и создастъ работниковъ дѣла, воспитавшихся въ мысли о непосредственной практической дѣятельности и общественно-служебной исполнительности. Подобныхъ работниковъ у насъ еще мало и въ земствѣ, и городскомъ самоуправленіи, и даже въ чиновничествѣ, и наше самоуправленіе сплошь и рядомъ скрипитъ только отъ ихъ недостатка. Успѣху этой пропаганды дожно помочь не только ея вполнѣ легальное направленіе, но и соотвѣтствіе ея стремленій съ общимъ характеромъ дѣятельности правительства, направившейся тоже на удовлетвореніе непосредственныхъ практическихъ нуждъ народа.—Но это все таки только одна сторона дѣла. На пользу народа работать нужно, и работать именно въ томъ направленіи, какое приняла фракція, а затѣмъ остается и еще кое-что, что фракція намѣренно

или ненамѣренно желаетъ игнорировать и на что она смотритъ даже съ высокомѣріемъ. Это нѣчто есть идейность!“

Итакъ даже публицистика, отрицательно относящаяся къ восьмидесятникамъ, отдаетъ должное ихъ соціальнымъ стремленіямъ, ихъ общественной дѣловитости,—чертѣ, отмѣченной Боборыкинымъ; но эта публицистика отрицаетъ за поколѣніемъ восьмидесятыхъ годовъ «идейность»—черту, отмѣченную Чеховымъ. Но, какъ мы видѣли, черта эта все таки свойственна современному интеллигенту, и отрицать ее было бы несправедливостью. Несомнѣнно, что литература уже намѣчаетъ типъ „дѣятельнаго идеалиста“, и что дѣятельный идеализмъ, имѣющій проявиться въ восьмидесятникахъ, будетъ синтезомъ соціальнаго идеализма 40-хъ годовъ и соціальнаго радикализма 60-хъ годовъ истекающаго вѣка. Доказать это пока еще трудно—но вѣрить уже и теперь можно, не рискуя впасть въ положеніе «credo, quia absurdum».

Конечно, два исконныхъ свойства человѣческой души «жизнерадость» и «жизнегоресть» обусловливаютъ отношеніе всякаго человѣка къ будущему—оптимисты всегда будутъ относиться къ будущей Россіи съ полнымъ довѣріемъ, пессимисты всегда будутъ ее отрицать; но все же есть надежда, что современная русская интеллигенція столкуется если не во взглядахъ, то въ своихъ чувствахъ къ поколѣнію, нынѣ выступающему на поприще общественной дѣятельности. Вспомнивъ Герцена, мы можемъ положиться на русское серд-

це нашей интеллигенціи, этого двуликаго Януса или двуглаваго орла, смотрящаго въ разныя стороны «жизнерадости» и «жизнегорести», оптимизма и пессимизма; это сердце и теперь уже даетъ отвѣтъ на вопросъ о будущности русскаго общества—отвѣтъ, который можно формулировать стихами Тютчева:

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить;
У ней особенная стать;
Въ Россію можно только—вѣрить!

